

**«Надо, чтоб каждый
в Союзе читал...»:
Читатель как институция
советской культуры**

[Рец.: *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Volume 3.* Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]

**Дмитрий Михайлович
Цыганов**

Московский университет
имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

**“In the Union,
Everyone Should Read”:
Reader as an Institution
of the Soviet Culture**

[Rev. of: *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Volume 3.* Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020]

Dmitry M. Tsyganov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Резюме

Предлагаемый обзор посвящен третьему тому коллективного исследования «Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia» и имеет своей задачей анализ предложенных в издании методов изучения читательских практик. Вошедшие в рецензируемый том статьи подробно рассматриваются как на фоне ранее вышедшей научной литературы по истории чтения, так и в связи с архивными и ранее (не)опубликованными материалами, которые оказались вне поля зрения исследователей. На широком историко-литературном материале показывается, что предложенные в рецензируемом томе «сюжеты» не образуют полноценной истории читательских практик, но описывают лишь частные

Цитирование: Цыганов Д. М. «Надо, чтоб каждый в Союзе читал...»: Читатель как институция советской культуры // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1–2. С. 368–389.

Citation: Tsyganov D. M. (2022) “In the Union, Everyone Should Read”: Reader as an Institution of the Soviet Culture. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 368–389.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.16

разрозненные стратегии чтения типологически разных читателей. Оставленные без внимания формы институализации чтения в СССР подчас оказываются куда весомее в контексте трансформаций читательских практик, чем вся совокупность предложенных в сборнике «кейсов». Вместе с тем обзор конкретного исследования становится поводом к разговору о читателе прошлого столетия как об особой институции советской культуры. Именно поэтому большая часть обзора представляет собой попытку поиска иных принципов и стратегий анализа, на которых может быть основана история чтения в «малом двадцатом веке». В статье предлагается социологический портрет усредненного реципиента, основные черты которого сформировались в эпоху сталинизма и остались неизменными на протяжении всего прошлого столетия и в прежнем виде продолжают существовать уже почти четверть нынешнего века. Не вошедший в исследование материал условно подразделяется на три группы: факты, характеризующие собственно советское положение дел; сведения о важнейших для культурной ситуации СССР формах институализации чтения; данные об эстетическом и экономическом аспектах бытования книги. Подробный комментарий к каждой из этих групп призван дополнить и детализировать предложенную авторами концепцию. Наряду с анализом архивных документов, нами привлекаются материалы фондов различных общественных организаций и органов, а также периодика, опубликованные воспоминания, дневниковые/мемуарные свидетельства и другие доступные нам материалы.

Ключевые слова

сталинская культура, советская многонациональная литература, институциональная история, история чтения, массовый читатель, формовка читателя, Reading Russia

Abstract

The present review focuses on the third volume of the collective study *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia* and aims at analyzing the methods of studying reading practices proposed in the aforementioned publication. The articles included in the peer-reviewed volume are studied in detail against the background of previously published scholarly literature on the history of reading, as well as in relation to archival and previously (un)published materials that have so escaped researchers' attention. The broad historical and literary material shows that the «narratives» proposed in the reviewed volume do not present a full-fledged history of reading practices, but describe only individual disparate reading strategies of typologically different readers. The forms of institutionalization of reading in the USSR that were left out are sometimes much more important in the context of transformations in reading practices than the total collection of the «cases» offered in the volume. At the same time, the case study review offers an opportunity to talk about 'the reader of the 20th century' as a special institution of Soviet culture. This is why much of the review presents an attempt to find other principles and strategies of analysis on which the history of reading in the «small twentieth century» can be based. The article offers a sociological portrait of the average reader, whose main features were formed during the Stalinist era and remained unchanged throughout the previous century. These features have existed in the same form for almost a quarter of the present century. The material that has been excluded from the present research can be divided into three groups: facts that characterize the Soviet state of affairs; information about the most important forms of institutionalized reading in the USSR-specific cultural environment; information concerning

aesthetic and economic aspects of the book. A detailed commentary on each of these groups is intended to supplement and elaborate on the authors' concept. Along with the analysis of archival documents, we draw on materials from the funds of various public organizations and bodies, as well as periodicals, published memoirs, diaries and other materials available to us.

Keywords

Stalinist culture, Soviet multinational literature, institutional history, history of reading, mass reader, making of reader, Reading Russia

Вышедший в 2020–2021 гг. в издательстве Миланского университета трехтомный коллективный труд «Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia»¹ стал результатом работы двух международных конференций (5–8 мая 2013 г.; 3–6 мая 2017 г.), в ходе которых и была сформулирована концепция работы с материалом, состоящая в «отсутствии общей теоретической базы или единого методологического принципа» [Rebecchini, Vassena 2020a: 13–14; здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — *Д. Ц.*]. Появление этого издания стало исключительным по своей значимости событием в контексте не только западноевропейской, но и мировой русистики, так как наименее разработанная² ее сфера — социология чтения — окончательно утвердилась в качестве отдельного самостоятельного направления гуманитарных исследований. Чередование «панорамных» авторских глав с более локальными по своему предмету монографическими статьями призвано создать относительно полный и последовательный исторический нарратив о традиции чтения в России. Однако уже на этапе ознакомления с трехтомником внимательный читатель сталкивается с явной диспропорцией между объемом фактического материала, потенциально способного стать объектом анализа, и уделенным ему текстовым пространством: если наименее исследованным в виду скудности источников читательским практикам раннемодерного периода XVIII в. закономерно посвящен самый малый по листажу том, то применительно к двум другим этот показатель оказывается симптоматическим, так как тома, охватывающие примерно равные в хронологическом, но не в источниковом отношении временные промежутки, отличаются в объеме почти на 130 страниц. Уже в редакторском предисловии именно имперский

¹ Этому изданию предшествовал двуязычный том, вышедший в том же издательстве шестью годами ранее [см.: Rebecchini, Vassena 2014].

² Несмотря на довольно обширную библиографию работ, посвященных проблеме чтения в позднейимперский, советский и постсоветский периоды, сколько-нибудь целостного представления о ней мы до сих пор не имеем. Множество исследований последних десятилетий [см., например: Добренко 1997; Дубин 2010; Рейтблат 2009; Brooks 1982; Lovell 2000] хотя и вводят в научный оборот большое число ценных источников, но, как бы минуя стадию «настройки» исследовательской «оптики» на довольно специфический советский материал, сосредотачиваются на попытке как-то концептуализировать историю читательских практик в России, во многом экстраполируя на него методологические принципы и приемы анализа, выработанные в результате рассмотрения принципиально иных культурных и социальных условий взаимодействия читателя и литературного текста.

период российской истории («долгий девятнадцатый век») обозначен в качестве центрального: именно тогда наступил расцвет романа как литературного жанра и «толстого» журнала как институциональной формы организации литературного производства, так как именно «журналы продвигали новые способы чтения и формировали новые поколения читателей» [Rebecchini, Vassena 2020a: 22]. Между тем самый информативно насыщенный период после 1917 г., выделенный в заключительный том, уступает второму не только в количественном (меньший листаж, меньшее число статей), но и в качественном отношении, о чем стоит сказать особо.

По структуре третий том [см.: Rebecchini, Vassena 2020b] мало чем отличается от двух предыдущих: он состоит из одной коллективной и десяти монографических статей, поделенных между двумя разделами («After the Bolshevik Revolution» и «Towards the Digital Revolution»), которые в контексте общей хронологии трехтомника призваны описать финальные этапы эволюции читательских практик в период с конца XVII и до начала XXI в. Разделы эти, помимо очевидного хронологического принципа, организуются еще и в соответствии с общей установкой создателей книги на изучение смены «режимов» бытования и, как следствие, восприятия широко трактуемого литературного текста. Не выходит за круг ранее намеченных гуманитарной теорией направлений анализа чтения и тематика предложенных в третьем томе статей: наравне с социальными и политическими стимулами к трансформации читательских практик, в томе исследуется своеобразие «школьного чтения» в 1922–1941 гг. (при этом акцент в статье О. Малиновской делается на классике XIX в.³, а не на художественных текстах советского времени, что в очередной раз недвусмысленно говорит о приоритетах совместного проекта), отдельно рассматривается производство и потребление неподцензурной литературы, а также намечается интермедиаальная перспектива исследования, проблематизирующая взаимодействие чтения и различных визуальных искусств. Вполне традиционно организован и «сюжет» тома. Подробный и обстоятельный разговор о ситуации 1920-х — начала 1930-х гг. в статьях Дж. Брукса, Е. Добренко и А. Рейтблата сменяется скупой обрисовкой позднесталинской обстановки, которой не посвящено отдельной статьи, более того, об обстоятельствах культурной жизни в послевоенную эпоху бегло сказано лишь в работе Т. Лахузена. Шестидесятистраничной статьей Д. Козлова, сосредоточенной на специфике чтения в хрущевскую «оттепель», и почти такого же объема текстом Ж. фон Цитцевитц по смежной проблематике бытования самиздатских текстов в 1960–1970-е гг. представлен в томе позднесоветский период. Сопровождают исследование и две тематические статьи, посвященные частным вопросам литературной жизни первой половины XX в., — текст О. Лекманова о дневниках трех «неидеальных»

³ Малиновскую интересует практика «направленного чтения» (guided reading), легшая в основу пересоздания канона «классической русской литературы» и обусловившая характер «программирования умов молодых читателей» [Malinovskaya 2020: 107]. Отметим, что исследовательница ссылается на вполне традиционный круг исследований по проблемам чтения в советской школе: упоминает Малиновская статью М. Павловца 2016 г. [2016a], игнорируя продолжающую его исследование работу, вышедшую несколькими месяцами позже [Павловец 2016b]; ссылка дается и на опубликованную по-немецки книгу Е. Малыгина [2012].

советских читателей (А. В. Орешникова, М. В. Нечкиной и А. Ф. Стародубова) и работа К. Келли об адаптации русской классики в позднесоветском кинематографе. Вторая часть тома посвящена дящемуся и сегодня постсоветскому/российскому периоду и представлена всего тремя обзорными статьями, где содержится попытка определить адекватный ситуации понятийный аппарат, который бы позволил говорить о чтении в современной России, не подменяя этот разговор разысканиями в области литературного процесса последних лет. Прежде чем перейти к предметному обсуждению содержания текстов, составивших этот том, стоит заметить, что большинство из них зачастую являются либо авторскими резюме уже вышедших монографий, либо — реже — перепечатками целых фрагментов из ранее опубликованных книг. Это замечание по поводу конструктивного принципа издания оказывается важным уже потому, что в известной мере корректирует нашу читательскую стратегию, типологически сближая рассматриваемый научный труд с хрестоматией по определенной тематике.

Первый раздел, по словам редакторов, хронологически ограничивается «малым двадцатым веком» — т. е. собственно советским периодом с 1917 и вплоть до 1991 г. — и составляет основу третьего тома, занимая три четверти его объема. Открывается раздел обзорной статьей двух авторов о читательской среде в период с 1917 г. и до конца 1920-х гг. Первая часть статьи, помимо очередного повторения общеизвестных фактов об изменении социокультурных условий (политизация масс, ликвидация безграмотности, приход «нового читателя», социальная обусловленность читательских практик, навязывание читателю пристрастия к чтению социально-политической литературы и прессы⁴, приоритизация интеллектуального знания и проч.), содержит ряд ценных выдержек из ранее не публиковавшихся архивных источников из фондов ГА РФ, а также статистические данные, позволяющие сформировать представление о характере и количественных показателях читательской «инфраструктуры», вкусах и предпочтениях (в том числе об отношении к классическим текстам XIX в.) читательской аудитории тех лет. Примечательно, что приводимые данные имеют и довольно широкий географический охват, между тем не выходящий за пределы Советской России. Несколько иначе дело обстоит с второй частью коллективной работы, где представлена характеристика читательской публики второй половины 1920-х гг. На презентации трехтомника, проходившей в рамках семинара Школы филологических наук НИУ ВШЭ в июне 2021 г., Е. Добренко отметил «серьезные и глубокие изменения [в изучении читательских практик и фигуры читателя. — Д. Ц.] и на уровне методологии, и на уровне материала», что не помешало ему в сокращенном виде републиковать в совместной с А. Рейтблатом статье [Dobrenko, Reitblat 2020: 26–40] фрагмент собственной ранее переведенной на английский язык книжки [Dobrenko 1997] четвертьвековой давности. Этим, по всей видимости, и должен иллюстрироваться «методологический прогресс» в изучении чтения, о котором так выразительно рассуждает Добренко. Позволим себе не комментировать этот шаг исследователя и ограничиться указанием на фундаментальный статус републикуемого труда.

⁴ Подробнее о раннесоветской прессе как инструменте пропаганды в этом же томе пишет Дж. Брукс [см.: Brooks 2020].

Статья Дж. Брукса «The Press and the Public Adjust to a New Normal, 1918–1935» [2020] во многом ориентирована на опыт западных исследований 1980-х гг. и посвящена анализу преимущественно социологического аспекта чтения широкой общественностью раннесоветской новой прессы: автора интересуют вопросы динамики аппаратной номенклатуры, кадрового состава специфически советских общественных структур, становление института печати и формирование самостоятельной читательской аудитории. Брукс пишет о том, что в условиях перехода к индустриализации и коллективизации «пресса стала инструментом формирования веры [государственной власти. — *Д. Ц.*]; отсюда и переход к пропаганде» [Brooks 2020: 45]. Попытка проследить стратегию «вербовки» читателя посредством прессы приводит ученого к обобщениям антропологического толка. Например, Брукс указывает на почти религиозный подтекст «преданности», «самопожертвования» со стороны редакторов и «услужливых журналистов» этой газетной индустрии [Ibid.: 48]. Ключевым паттерном исследования оказывается движение прессы от функции информирования к функции пропаганды. Статья эта ценна и экскурсами в более ранний период истории книгоиздания эпохи Первой русской революции 1905–1907 гг., а также рассмотрением качественных параметров (тираж, иллюстрации, полиграфия) самой печатной продукции: не только газет или брошюр, но и плакатов, агиток и др. Вместе с тем то значение в вопросе влияния на массы, которым Брукс наделяет раннесоветскую прессу и книгоиздание не вполне соотносится с оценкой их пропагандистского потенциала современниками. В частности, В. Ходасевич в 1931 г. писал о том, что «правительству [в 1920-е гг. — *Д. Ц.*] было безразлично — продавать книги или раздавать их даром», а печатная продукция, обильно поступавшая в сельские библиотеки «оценивалась населением в соответствии с качеством бумаги [...] книги курились, а не читались» [Ходасевич 1996: 237]. Изложенные в этой статье выводы довольно предсказуемы для избранных автором хронологических рамок рассмотрения, однако распространение эксплицированной Бруксом логики на более поздние стадии развития сталинского режима оказалось бы в высшей степени показательными, но в рассматриваемом томе это не предпринимается.

Исследование Т. Лахузена «Is There a Class in This Text? Reading in the Age of Stalin» [2020] связано с анализом парадоксов в истории чтения сталинской эпохи. По сути, эта статья — единственная работа, интегрированная в материал тома и корреспондирующая с исследованиями Е. Добренко, Д. Козлова и О. Лекманова. Однако Лахузен, по-видимому, ставил своей целью все же создание популярного очерка, который обобщил и кратко изложил бы информацию о специфических практиках организации чтения в те годы, а не ввел бы в научный оборот новые материалы. Ученый сосредотачивается на «общих местах», не углубляя сформировавшуюся до него проблематику [см.: Lahusen 2020: 85–91]: Лахузен пишет о читательских конференциях, подробно рассмотренных Добренко, о письмах Ажаеву, во многом резюмируя собственную книгу 1997 г. [Idem 1997], о ситуации после смерти Сталина, опираясь на книгу Д. Козлова 2013 г. [Kozlov 2013] или о состоянии читательского поля в 1960-е гг., адресуя нас к общеизвестным мемуарам М. Туровской [2015]. Бегло рассмотрены опубликованные еще в 1990-е гг. фрагменты дневника О. Берггольц [Lahusen 2020: 93], книга Л. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой» [Ibid.: 94] и ряд других

менее известных в нефилологических кругах текстов. Однако и в этом случае анализ Лахузена не вполне самостоятелен и базируется на работе И. Паперно [Paperno 2009] и коллективном труде о советских дневниках в 1930-е гг. [Garros et al. 1995]. Если попытаться обобщить наблюдения над этим текстом, то можно сказать, что он воплотил в себе известный формалистский принцип «обнажения приема», показав, каким образом организован весь том целиком и какими принципами руководствовались авторы при создании, а вернее сказать, *пересоздании* текстов для сборника.

О. Малиновская представила в качестве статьи выборочный конспект своей докторской диссертации 2015 г. [Malinovskaya 2015], Д. Козлов предложил резюме уже упомянутой выше книги 2013 г. [Kozlov 2013]. Не стала исключением и Ж. фон Цитцевитц, в 2021 г. выпустившая монографию [Zitzewitz 2021], тема которой в точности совпадает с темой предложенной для сборника статьи. Продолжать этот ряд не имеет смысла, потому как мы будем вынуждены упомянуть каждого из авторов рецензируемого тома. В этих обстоятельствах теряет смысл и дальнейшее рассмотрение помещенных в рецензируемый том текстов: на все послужившие «протографами» монографии уже написаны многочисленные критические рецензии, в которых тщательно проанализированы достоинства и упущения этих исследований.

Куда важнее констатировать ключевой принцип издания, заключающийся в ориентации не на профессионального читателя — специалиста в области литературы и культуры России прошлого столетия, а на более массового читателя, который после ознакомления с этим сборником смог бы составить более-менее целостное представление о специфике трансформаций читательских практик в «малом двадцатом веке». Однако и этот принцип реализован в издании лишь отчасти.

* * *

Во многом предупреждая возможную критику и упреки в неминуемой фрагментарности и неполноте тома, редакторы уже в предисловии к изданию определили круг вопросов и возможных направлений дальнейших разысканий в области истории чтения в России, по тем или иным причинам оказавшихся за пределами рассмотрения [Reading Russia 2020, 1: 15–17]. Более того, разговор о том, чего не хватает в издании, предваряет краткий обзор вошедших в трехтомник статей. Уже это обстоятельство заставляет пристальнее приглядеться к принципам отбора локальных сюжетов, образующих структуру исследования, подробное ознакомление с которым подтверждает изначально появляющуюся у внимательного читателя мысль: исторический нарратив о чтении в современной России оформляется не совокупностью предложенных «кейсов», а тем самым «невошедшим», на фоне которого и возникают частные фрагменты и эпизоды, рассмотренные авторами. Попросту говоря, ряд предложенных в трехтомнике материалов не образует логически выверенную и относительно полную историю эволюции читательских практик в России XX в., а, напротив, предъясвляет лишь некоторое количество хронологически организованных развернутых высказываний по поводу. Отчетливее всего это видно по третьему тому «Reading Russia», который вполне отвечает логике, сформулированной М. О. Чудаковой в известной статье 1998 г. В ней

Чудакова указывает на то, что «анализы [отдельных текстов. — Д. Ц.] предельно — вернее, беспредельно — детализировались; они бывают очень интересны (как и совсем неинтересны), попадают доказательные и убедительные, но они не отвечают на основные вопросы — хотя бы потому, что их не ставят» [1998: 193]. Между тем одним из этих «основных вопросов» является вопрос о методе исследования подвижной культурной ситуации «малого двадцатого века», о той теоретической логике, благодаря которой отдельные сюжеты смогут преодолеть рубеж иллюстративности и сами по себе приобретут качество объясняющих специфику культурной динамики 1920-х — 1980-х гг. Важность этого вопроса первостепенна еще и потому, что наблюдаемое сегодня «растекание» научного знания в подавляющем большинстве случаев имеет произвольный характер, когда каждая новая работа все больше усложняет, декомпозирует и все меньше проясняет картину литературного процесса XX в. Именно в этом, на наш взгляд, и состоит основной недостаток коллективного труда, авторы которого не до конца определились с объектом исследования, взамен сославшись на уже ставшую классической книгу Е. А. Добренко «Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы»⁵, вышедшую в 1997 г. При всех достоинствах пионерского исследования Добренко, этой книгой не может полностью исчерпываться заявленная в названии тема: советский читатель был разным в разные периоды советской истории, а сама специфика читательских практик не может быть сведена исключительно к опыту массового чтения. Между тем диахронический подход, избранный в качестве ведущего принципа организации коллективного тома, в действительности не может быть реализован в нем, потому как каждый автор исследует «своего» читателя. Отсутствие внятно сформулированных принципов массового чтения в советский период (одним из первых о них заговорил еще А. М. Топоров в шестикратно переизданной книге «Крестьяне о писателях» [1930], единожды упомянутой в рецензируемом томе) определяет невозможность следить за их эволюцией, хотя именно в этом и состояла первоначальная цель этой книги.

Появление «массового реципиента» как полноценного участника литературного производства советской метрополии, следуя теоретической логике, принимаемой авторами тома, — принадлежность именно сталинской эпохи (в этом обнаруживается преемственность с концепцией, сформулированной в «Формовке»). Если попытаться суммировать основные признаки этого *усредненного реципиента*, то мы получим следующий социологический портрет. «Массовый читатель» периода сталинизма, вопреки сложившимся в науке представлениям о структуре литературного процесса 1930-х — 1950-х гг. [Богомолов 2004], осваивал печатную литературу не по остаточному принципу. Он не воспринимал современный ему литературную ситуацию как ущербную или неполноценную в

⁵ Опора на книгу Добренко в вошедших в том статьях не всегда носит эксплицитный характер: в самом сборнике «Формовка советского читателя» цитируется лишь в статье Т. Лахузена, тогда как в других текстах книга несколько раз упоминается в качестве отсылки к фоновому знанию. Вместе с тем сформулированные в «Формовке» идеи то и дело возникают на страницах «Reading Russia», но подаются при этом не как точка зрения на проблему чтения и читателя в эпоху сталинизма, а как априорное знание.

силу нескольких весомых обстоятельств. Во-первых, он попросту не мог даже приблизительно представить тот объем написанных, но по какой-либо причине не изданных (или изданных в сокращенном виде⁶) текстов, которые и составили, по выражению М. Чудаковой, альтернативные «соцреалистической доктрине» потоки, «ушедшие под землю — в русло литературы, уже не выходявшей на «дневную поверхность» (Д. Лихачев) печатной жизни» [1988: 241]. Во-вторых, активно функционировала индустрия литературного производства: работал ССП СССР и его региональные отделения; как в Советском Союзе, так и за его пределами огромными тиражами издавались советские «классики» — лауреаты Сталинской премии⁷, на язык «великорусского пролетариата» (В. И. Ульянов-Ленин) делались многочисленные переводы с национальных языков советских республик⁸, авторам вручались всевозможные награды и премии, главной из которых, несомненно, была именно Сталинская [Цыганов 2021]. Иллюзия полноценности поддерживалась и деятельностью института профессиональной литературной критики, возбуждавшего многочисленные споры, дискуссии и полемики по поводу тех или иных литературных и околотитулярных событий. С этим фактом связано еще одно, возможно, самое значительное среди названных обстоятельств: сам «массовый читатель» становился непосредственным участником литературного процесса, наравне с критиком, ощущал определенные привилегии как бы занимаемого им «экспертного» положения. Свидетельством этому становились многочисленные письма, адресуемые как писателям непосредственно, так и направляемые в редакции, а затем публиковавшиеся в периодике, повсеместно

⁶ Например, «Педагогическая поэма» (впервые опубли. в 1933–1935 гг.) А. С. Макаренко вышла отдельным изданием в 1937 году (М.: Художественная литература) со значительной редакторской правкой и цензурными купюрами жены писателя, а полный текст произведения оставался неизвестным для читателей до 2003 г. [см. об этом: Хиллиг 1984; Idem 2014; Hillig 1981].

⁷ Публикация за рубежом соцреалистической «классики» (в абсолютном большинстве случаев текстов, отмеченных Сталинской премией) была массовой, но сосредотачивалась в основном в странах так называемой «народной демократии»: «Произведения советской литературы получают все более широкое признание в зарубежных странах. Только за несколько послевоенных лет, по далеко не полным данным, там вышли произведения более 900 советских писателей в переводах на 44 иностранных языка, более чем в девяти тысячах изданий. За период с 1951 по 1953 г. за рубежом было издано 94 196 тысяч экземпляров произведений советской художественной литературы» [Очерк 1955, 2: 316].

⁸ Разветвленный институциональный комплекс, обеспечивавший полноценное функционирование проекта «многонациональной советской литературы» в специфических условиях сталинской «культурной стройки», включал не только множество республиканских писательских организаций, подчиненных московскому центру, но и объемный переводческий ресурс, формировавшийся по большей части из «неблагонадежных» писательских кадров, по тем или иным причинам лишившихся возможности прямо участвовать в литературном производстве. В основном переводами с языков национальных республик занимались не профессиональные филологи, а опальные или «молчавшие» поэты [Witt 2011; Земскова 2016]. Отметим, что вопрос о художественном переводе как особом типе чтения в рецензируемом томе также не рассматривается. Кроме того, отметим, что и проблема перевода на национальные языки текстов, написанных на по-русски, авторами статей даже не ставится.

организуемые читательские конференции и т. д. Стоит отметить, что подобная ситуация была характерна только для сферы культурного производства, потому как лишь в ней реципиент ощущал свою компетентность, осознавал, что его мнение обладает весом⁹. Так, М. Шагинян в 1952 г. в статье «О критике и самокритике в литературной работе» писала:

Миллионы наших читателей не пассивны. Они строят ту самую жизнь, которую мы описываем, и понятно их горячее стремление принять какую-то долю участия в нашей работе. Отсюда огромное количество писем в адрес писателей с желанием указать ошибки и неточности; письма читателей в редакции газет, иной раз содержащие очень ценную критику; выступление читателей на многочисленных конференциях при библиотеках, в вузах, в избах-читальнях с деловыми замечаниями. Народ дает нам понять, показывает нам то последующее творческое действие книги, какое происходит по окончании нашей работы над ней [Шагинян 1952].

Вместе с тем фигура читателя как важнейшая пресуппозиция создания эстетического канона оказывалась «выключенной» из производственной системы сталинского литературного проекта. Иначе говоря, читательский спрос или его отсутствие не влияли на издательскую практику, а реципиент выступал не как стимул культурного производства, но лишь как вынужденный потребитель итогов этого производства.

Все эти черты, сформировавшие облик читателя сталинской эпохи и определившие специфику читательских практик, оказались намного устойчивее и долговечнее тех условий, в которых они возникли. Во многих современных исследованиях в области социологии чтения в России отмечается наследование современным читательским сообществом тех стратегий чтения и — шире — восприятия литературных текстов, которые оформились еще в первой половине прошлого столетия. В частности, исследовательница современных читательских практик А. Герасимова, обращаясь к анализу уже упомянутой книги Добренко 1997 г., небезосновательно указывает на то, что характерные для периода середины 1920-х — начала 1930-х гг. «эстетические требования неподготовленного читателя [...] остались почти совершенно неизменными, за вычетом лишь одной пресуппозиции: права выносить негативное суждение» [Герасимова 2020: 82]. При всей сомнительности довода об отсутствии у современного читателя права на негативные оценки¹⁰, обоснованность главного тезиса Герасимовой не может

⁹ Ощущение это усердно навязывалось решениями властной «верхушки»: важным обстоятельством, например, оказывается то, что одним из главных поводов ликвидации литературно-художественного журнала «Ленинград» стало отсутствие «интереса для читателей»; эта претензия уже в докладной записке Агитпропа ЦК А. Жданову от 7 августа 1946 г. предвещает упреки в публикации «малохудожественных и идейно порочных произведений» [см.: Артизов, Наумов 1999: 563]

¹⁰ Герасимова аргументирует его так: «Читатель 20-х годов был почти всегда уверен: то, что ему непонятно, то дурно. Нынешний читатель склонен утверждать: мне это непонятно, я не смог прочесть, но это великая книга» [Герасимова 2020: 82]. Сомнительно само основание, на котором базируется

вызывать сомнений. В этой перспективе не возникает сомнения в том, что многочисленные просьбы к Шолохову о прояснении дальнейшей судьбы персонажей «Тихого Дона» середины 1930-х гг. [Корниенко 2020: 104–105], травля Пастернака за «клеветнический роман» в разделе «Гнев и возмущение: Советские люди осуждают действия Б. Пастернака» «Литературной газеты» (№ 131 (3942) от 1 ноября 1958 г.) и «антисорокинская манифестация», проведенная общественной организацией «Идущие вместе» перед зданием Большого театра в конце июня 2002 г. и сопровождавшаяся почти ритуальным уничтожением книг Сорокина, — явления, в основе которых лежат одни и те же принципы организации и структурирования читательского сообщества.

* * *

Выше мы уже касались содержания рецензируемого тома, а теперь стоит подробнее остановиться на тех вопросах, которые по каким-то причинам оказались за пределами рассмотрения. Формально не вошедший в издание материал может быть разграничен на три группы: 1) факты, характеризующие собственно советское положение дел и прямо связанные со спецификой организации художественной жизни в рамках тоталитарной системы; 2) сведения о важнейших для культурной ситуации СССР формах институционализации чтения; 3) данные об эстетическом и экономическом аспектах бытования книги как артефакта в «малом двадцатом веке», а также исследовательская литература и источники, необходимые для создания научной истории чтения в России XX–XXI вв.

Если обращаться к первой группе фактов, то следует принимать во внимание одно важное обстоятельство: в 1920–1950-е гг. национальному вопросу в кругах высшего партийного руководства Советского Союза придавалось колоссальное значение, о чем внятно свидетельствуют многочисленные труды самого И. Сталина, написанные по большей части еще в дореволюционные годы и посвященные проблемам национального строительства. Интерес к подобной проблематике мотивирован сугубо прагматически: сама форма государственного устройства определяла приоритетность этого направления политической работы. Идея союза советских республик подразумевала не только формальное (территориальное и административное) единство, но и общность социальных и культурных практик, делавших этнически разобщенное население СССР «советскими людьми», «классово однородными» читателями соцреалистической продукции [Горький 1953b: 578]. Центральный для Сталина вопрос национального строительства, неизбежно предполагавший консолидацию социума (до середины 1930-х гг.,

---

противопоставление читателей 1920-х и 2000-х гг., потому как современное читательское сообщество по большей части состоит из людей, в силу своей поколенческой принадлежности усвоивших советскую (т. е. оформившуюся в те же 1920-е гг.) модель рецепции и оценки литературных текстов. Поэтому исследователь, специализирующийся на культурной истории СССР сталинского периода, может обнаружить в постсоветской ситуации реликты практик, характерных, например, для довоенного периода (ср. хотя бы приведенный здесь случай с выступлениями против творчества В. Сорокина или неприятие и открытое осуждение публикой не понятой ею балетной постановки К. Серебренникова «Нуреев» в 2017 г.).

согласно официальной риторике, остававшегося жестко стратифицированным¹¹), закономерно определял направления культурной политики и, вероятно, рассматривался как один из ключевых путей формирования единого пространства сталинской соцреалистической культуры. Одним из способов осуществления этой консолидации «социального пространства», о которых достаточно убедительно пишет Н. Скаков [2020], и оказывалось чтение: не случайно М. Горький еще в 1930 г. писал о том, что именно «литература объединяет все племена Союза Советов [...] энергично служит делу объединения всего трудового народа» [Горький 1953а: 409]. Идея эта была принята на вооружение Сталиным, и уже в конце 1920-х — начале 1930-х гг. был взят уверенный курс на создание проекта «многонациональной советской литературы»¹². По мысли С. Франк, советский проект многонациональной литературы не соответствовал традиционным западным моделям мировой литературы именно установкой на «программное доминирование русского языка». Гегемония русской культуры, если следовать за ходом мысли исследователя, выражалась сразу на трех уровнях: на уровне канона; на уровне посредничества; на уровне языка [Франк 2019: 242]. Иначе говоря, специфика проекта «многонациональной советской литературы» во многом была обусловлена тем, что он, по мысли его устроителей, должен был существовать исключительно в русском языковом пространстве: не случайно Д. Бранденбергер, исследуя массовую культуру эпохи сталинизма, употребляет выражение «сталинский руссоцентризм» [2017]. Именно этим определяется положение, по сути, центрального для «малого двадцатого века» вопроса не только о чтении, но и о создании, прежде всего, русскоязычных текстов в союзных республиках как в эпоху сталинизма, так и в постсталинский период советской культурной истории. В рецензируемом томе он не освещается вовсе. Ничего не сказано и о чтении на национальных языках, хотя авторы могли бы обратиться к повсеместно организованной во второй половине 1940-х библиотечной статистике (эта практика существовала и раньше, но должным образом отлажена была лишь в послевоенный период). Эта неполнота авторами статей определяется как «вынужденная» и оправдывается отсутствием источников и исследовательской литературы по этому вопросу, что попросту не соответствует действительности¹³.

¹¹ Лишь 25 ноября 1936 г. в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» на VIII Всесоюзном съезде Советов Сталин провозгласит, что «границы между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией, стираются, а старая классовая исключительность исчезает» [Сталин 1997: 125].

¹² Е. Добренко, говоря о сталинском литературном проекте, делает принципиально важное замечание: «Советская многонациональная литература не была проектом сложения различных национальных литератур, но ровно наоборот: советские национальные литературы смогли развиваться (а большинство и возникнуть) только благодаря тому, что являлись важнейшей частью общесоветского национального строительства». Создание же самого «проекта» Добренко относит к маю 1924 г. [Добренко 2021].

¹³ На уже упомянутой презентации Е. Добренко также отметил и тот факт, что к настоящему моменту не появилось исследований, посвященных чтению национальных меньшинств СССР («Мы ничего об этом не знаем»). Вместе с тем вопрос этот активно исследуется в последние годы, о чем свидетельствует, например, защищенная в 2022 г. диссертация Ю. Козицкой «Казахская литература как часть проекта "многонациональной советской литературы"»

Вторая группа фактов связана с проблемой институционализации чтения в разные периоды русского XX в. В этой связи прежде всего стоит сказать о разнообразии форм взаимодействия воспринимающего субъекта с литературным текстом, о чем убедительно писала еще С. Сонтаг в эссе «Против интерпретации» (1964), разграничивая две центральные стратегии восприятия текста — интерпретацию, опирающуюся на содержание, и формальный анализ. Выше мы уже касались вопроса о художественном переводе как о специфической практике, совмещающей в собственных границах как писательскую, так и читательскую активности. Не нашлось в сборнике места даже для беглой заметки об особенностях чтения в среде реципиентов, прямо связанных с производством текстов — писателей, критиков и литературоведов. Между тем попытка разобраться в сети сложных взаимодействий авторов и текстов значительно расширила и уточнила бы наше представление как о мутациях культурного канона в XX в., так и о механизмах его трансляции, позволила бы реконструировать стратегии канонизации и деканонизации отдельных произведений и/или литераторов, пролить свет на тему так называемого «творческого диалога», заключающегося в сознательной или ненамеренной рецепции элементов «чужой» поэтики. Литературоведение и художественная критика как особые типы чтения непосредственно связаны с расширением семантического поля художественного текста, приращением смыслов и существованием этого текста внутри социума, поэтому особую значимость обретает изучение процесса создания интерпретационных моделей, «вчитывания» в произведение изначально не свойственных ему смыслов. Этот ракурс исследования обнаружил бы специфику инструментов, посредством которых высшее партийное руководство регулировало и уточняло конфигурацию сил на культурном поле, прямо влияло на литературное производство.

Обойден вниманием авторов и период первой половины 1940-х гг., до сих пор слабо изученный с точки зрения трансформации культурных практик. К моменту сталинского 60-летия реципиент нового типа в известной степени уже был сформирован, а диапазон его притязаний, «горизонт ожидания» подвергся максимальной редукции¹⁴. Однако его «формовка» все еще продолжалась, и военные годы не только не характеризуются перерывом в данном процессе, но даже могут быть восприняты как своеобразный «плацдарм» для стремительного изменения параметров мышления «массового читателя» и реорганизации самой читательской аудитории (потенциальных потребителей соцреализма) уже в послевоенный период. 22 апреля 1943 г. СНК СССР было принято постановление № 422 «О государственном централизованном фонде литературы для восстановления библиотек, разрушенных фашистами» за подписью В. М. Молотова, организовавшее «добровольный сбор книг от населения для комплектации библиотек, разрушенных фашистами» [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 213. Л. 140.]. Этот на первый взгляд ничем не примечательный документ на деле решал сразу две ключевые

в 1930-е годы» [2021], на защите которой Добренко выступал оппонентом. Весьма подробно о чтении населения советского Узбекистана в первые послереволюционные годы пишет А. Халид в книге «Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR» [Khalid 2015: 178–218].

¹⁴ Об этом реципиенте в контексте иных культурных практик см. работы Г. Янковской [2006; 2018].

задачи: наполнение областных и краевых библиотек из фонда литературы при Наркомпросе РСФСР и опустошение домашних библиотек отнюдь не многих, но еще уцелевших «бывших людей». Тем самым провоцировался закономерный спрос лишившейся личных книжных собраний интеллигенции на услуги библиотек и на выпускаемую книжную продукцию, львиную долю которой составляли соцреалистические тексты. По всей видимости, Сталин стремился уйти от нарочитой стратификации общества, «слить» так называемую интеллигенцию с номинально деклассированной массой, уравнив их читательский репертуар. Об этом свидетельствуют и наблюдения приближенного к вождю Симонова, писавшего, что Сталин «раз в год пробовал прощупать пульс интеллигенции через нас самих и через разговор с нами о тех книгах, которые пишутся и издаются» [Симонов 1989: 182]. Другой вопрос, насколько ему это удавалось.

Другой формой институционализации чтения в СССР в 1940–1950-е гг. становился процесс отбора и присуждения художественным и научно-критическим тестам Сталинской премии: мы имеем дело с ситуацией, когда один и тот же опубликованный текст по-разному прочитывался на разных этапах его «включения» в соцреалистический канон. Условно эта траектория может быть определена как постепенный отход от индивидуально-авторского аспекта в вопросе принятия решений о присуждении наград. Если на первоначальном рассмотрении кандидатур в ССП акцент делался именно на репутации писателя, чей текст становился претендентом на премию, то на заключительной стадии обсуждений в Политбюро ЦК рассматривалось именно литературное произведение, о чем свидетельствуют характерные реплики Сталина, нашедшие отражение в воспоминаниях Симонова [1989: 167]. Этот эпизод истории чтения вскользь упоминается лишь в статье Т. Лахузена в связи с премированием главного героя множества его работ — Василия Ажаева. К этой теме примыкает и вопрос о читательских предпочтениях самого Сталина¹⁵, довольно подробно рассмотренный в литературе [Медведев 2005; Илизаров 2013; Вайскопф 2020], но до сих пор не осмысленный в контексте рассмотрения эволюции читательских практик первой половины прошлого столетия. Ничего об этом не сказано и в рецензируемом томе.

Вовсе не обсуждается в томе и важнейший в контексте истории чтения сюжет «редактирования» и переработки/переписывания текстов¹⁶, ранее опубли-

¹⁵ Д. Шепилов в воспоминаниях отмечает, что Сталин «всегда пылливо следил за выходящей социально-экономической и художественной литературой и находил время просматривать все, имеющее сколько-нибудь существенное значение. [...] “Толстые” литературно-художественные журналы “Новый мир”, “Октябрь”, “Знамя”, “Звезда” и др., научные, гуманитарные “Вопросы философии”, “Вопросы экономики”, “Вопросы истории”, “Большевик” и прочие он успевал прочитывать в самых первых, сигнальных экземплярах» [Шепилов 2017: 129]. Об этом же пишет и В. Кирпотин, вспоминая о подготовке Фадеева к заседаниям Комитета по Сталинским премиям [см.: Кирпотин 2006: 647].

¹⁶ Эта тенденция характеризует не только сталинскую эпоху, но и период так называемой «десталинизации», когда из кинолент («Человек с ружьем» Юткевича, «Великое зарево» и «Клятва» Чиаурели, «Валерий Чкалов» Калатозова, «Ленин в Октябре» Ромма и др.) вырезались сцены, в которых фигурировал Сталин, а некоторые фильмы и вовсе снимались с проката («Падение Берлина»). То же происходило и с книжной продукцией: при переиздании из произведений «вычищались» все упоминания покойного вождя.

кованных как на газетных страницах, так и в составе «толстых» литературных журналов или альманахов. Дело в том, что именно «толстые» литературные журналы были непосредственно задействованы в производстве соцреалистической продукции, определяли стратегии ее первичной рецепции¹⁷, закрепляя за отдельными литературными образцами определенную оценку и формируя тем самым репутации их авторов. Эти институты, таким образом, должны восприниматься как инструменты создания *протолитературы*: на этом этапе еще возможна работа многочисленных механизмов культурной «селекции», позволявших исключить «вредные» или эстетически выбивающиеся вещи из пространства официальной культуры, предотвратив их проникновение в сферу собственно «советской литературы» уже на стадии появления. Так, 12 мая 1950 г. Политбюро ЦК приняло постановление № 74 «О порядке издания произведений художественной литературы, опубликованных в журналах» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1081. Л. 37), в котором прямо утверждалось:

Считать неправильным, что издательства механически перепечатавают из журналов художественные произведения, независимо от их идейной и художественной ценности и без всякой дополнительной редакционной работы над ними [цит. по: Артизов, Наумов 1999: 662].

Следовало организовать работу таким образом, чтобы в скорейшей перспективе

отменить эту неправильную практику и установить такой порядок, при котором произведения, опубликованные в литературно-художественных журналах и намечаемые к изданию отдельными книгами, предварительно рассматривались бы по существу на заседаниях редакционных советов указанных выше издательств и подвергались квалифицированному рецензированию [Ibid.: 663].

Это означало, что одно и то же произведение могло изменять свои качественные параметры (вплоть до количества и взаиморасположения текстовых фрагментов) в зависимости от того контекста, в котором оно существовало. По логике партфункционеров от искусства, опубликованный в журнале и, следовательно, прочитанный литературный текст не должен в точности воспроизводиться в книжном издании (метод так называемой доработки текста «в правильном направлении» [см.: Цыганов 2022]). В этой связи вопрос о читательской рецепции встает особенно остро, так как впечатление от прочтения журнального варианта текста могло весьма сильно отличаться от полученного при ознакомлении с книжной публикацией того же текста. Это наблюдение проблематизирует использование библиотечной статистики (столь широко привлекаемой в той же

¹⁷ В послевоенный период советское политическое руководство посредством вмешательства в издательскую практику «толстых» журналов пыталось влиять на круг чтения потенциального реципиента соцреалистической литературной продукции. Так, в сентябре 1946 г. было принято постановление Политбюро ЦК «О выписке и использовании иностранной литературы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1062. Л. 8–10), в котором запрещалась индивидуальная выписка иностранной литературы и тем самым пресекалось «распространение среди населения антисоветской пропаганды, содержащейся в зарубежных газетах, журналах и книгах».

«Формовке советского читателя») уже потому, что она попросту не учитывала указанных нюансов знакомства читателя с литературным произведением. Также не обрела решения на страницах обсуждаемого издания и важная для XX столетия проблема нетождественности художественного текста самому себе в разные промежутки времени (ср. хотя бы текст «Тихого Дона» в изданиях 1941, 1953 и 1957 гг.). Десятилетиями переписывавшиеся и от раза к разу «поновлявшиеся» романы¹⁸, как и неопубликованные по политическим и идеологическим соображениям произведения, по-особенному читались людьми нового поколения: объема культурной памяти «массового читателя» попросту не было достаточно для восприятия всех вложенных в текст смыслов уже в силу того, что такой читатель не жил в ту эпоху, которая описывается в том или ином литературном тексте («задержанная» в спецхранах и наводнившая журнальные страницы в конце 1980-х гг. литература лишилась своего читателя).

Подытоживая обзор заключительного тома «Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia», отметим несколько серьезных упущений по части привлекаемого материала. Ничего в тексте не сказано о характере издательской политики в СССР, а в редких случаях отмечен лишь тираж отдельных текстов. Такое невнимание к производственной стороне вопроса выглядит по меньшей мере странным на фоне внушительного корпуса обойденных вниманием источников, которые начали появляться уже в 1950-е годы: не упоминаются в рецензируемом томе ни книга А. И. Назарова «Очерки истории советского книгоиздательства» [1952], ни даже сборник документов «О партийной и советской печати» [ЦК КПСС 1954], позднее дополнявшийся и неоднократно переиздававшийся. Современные опыты публикации архивных источников (например, том документов «Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по Фонду Госиздата» [см.: Кресина, Динерштейн 2009]), также оказались вне поля зрения специалистов. Вместе с тем привлечение широко издававшихся в разные годы библиографических справочников (ни разу не упомянуты ни многотомный указатель Н. И. Мацуева [1936; 1940; 1952; 1953; 1954; 1957; 1959; 1962], ни библиографический справочник А. К. Тарасенкова [1966], дополненный и переизданный в 2004 г. [см.: Тарасенков, Турчинский 2004]) заметно разнообразило и дополнило бы предложенные в статьях тезисы. Ни одной ссылки не дано и на фундаментальные работы А. В. Блума, активно занимавшегося проблемой запрещенных в Советском Союзе книг [2000; 2003]. Перечень проигнорированных материалов мог бы растянуться на многие страницы, многократно превысив объем самого сборника. Все приведенные выше соображения отнюдь не указывают на вероятный путь решения проблемы истории чтения в русском XX в., но внятно обнаруживают необходимость поиска иных принципов и стратегий анализа, на которых эта история может быть основана.

---

¹⁸ Среди переписанных произведений особенно выделяются тексты советских «классиков». Так, переработке были подвергнуты: «Цемент» (1925) Ф. Гладкова (роман переписан сперва в середине 1930-х, а затем и в 1940 г.), «Вор» (1927) Л. Леонова (роман переписан сперва в 1959 г., а затем и в 1982 г.), «Гидроцентраль» (1928) М. Шагинян (роман переписан в 1949 г.), «Молодая гвардия» (1946) А. Фадеева (роман переписан в 1951 г.), «За власть Советов» (1949) В. Катаева (роман переписан в 1951 г.) и др.

Сокращенные названия архивов

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Библиография

Источники

Сборники архивных документов

Артизов, Наумов 1999

Артизов А., Наумов О., сост., *Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953*, Москва, 1999.

Корниенко 2020

Корниенко Н. В., ред., *«Очень прошу ответить мне по существу...». Письма читателей М. А. Шолохову. 1929–1955*, Москва, 2020.

Кресина, Динерштейн 2009

Кресина Л., Динерштейн Е., сост., *Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по Фонду Госиздата: Сборник документов*, Москва, 2009.

ЦК КПСС 1954

О партийной и советской печати: Сборник документов, Москва, 1954.

Библиографические издания

Мацуев 1936

Мацуев Н. И., *Художественная литература русская и переводная. 1928–1932 гг. Указатель статей, рецензий и аннотаций*, Москва, 1936.

——— 1940

Мацуев Н. И., *Художественная литература, русская и переводная, в оценке критики. 1933–1937 гг. Библиографический указатель*, Москва, 1940.

——— 1952

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1938–1948. Библиография*, Москва, 1952.

——— 1953

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1949–1951. Библиография*, Москва, 1953.

——— 1954

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1952–1953. Библиография*, Москва, 1954.

——— 1957

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1954–1955. Библиография*, Москва, 1957.

——— 1959

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1956–1957. Библиография*, Москва, 1959.

——— 1962

Мацуев Н. И., *Советская художественная литература и критика. 1958–1959. Библиография*, Москва, 1962.

Тарасенков 1966

Тарасенков А. К., *Русские поэты XX века. 1900–1955. Библиография*, Москва, 1966.

Тарасенков, Турчинский 2004

Тарасенков А. К., Турчинский Л. М., сост., *Русские поэты XX века. 1900–1955. Материалы для библиографии*, Москва, 2004.

Мемуары, воспоминания

Кирпотин 2006

Кирпотин В. Я., *Ровесник железного века: Мемуарная книга*, Москва, 2006.

Симонов 1989

Симонов К. М., *Глазами человека моего поколения: Размышления о Сталине*, Москва, 1989.

Туровская 2015

Туровская М. И., *Зубы дракона. Мои 30-е годы*, Москва, 2015.

Шепилов 2017

Шепилов Д. Т., *Непримкнувший. Воспоминания*. Москва, 2017.

Публицистические статьи

Горький 1953а

Горький М., О прозе [1933], Idem, *О литературе. Литературно-критические статьи*, Москва, 1953, 574–592.

Горький 1953б

Горький М., О литературе [1930], Idem, *О литературе. Литературно-критические статьи*, Москва, 1953, 406–417.

Сталин 1997

Сталин И. В., О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. 25 ноября 1936 г., Idem, *Сочинения*, 14, Москва, 1997, 119–147.

Ходасевич 1996

Ходасевич В. Ф., Литература и власть в сов. России, Idem, *Некрополь: Воспоминания. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому*, Москва, 1996, 227–249.

Литература

Богомолов 2004

Богомолов Н. А., Несколько размышлений по поводу двух дат в истории русской литературы советского периода, Idem, *От Пушкина до Кибилова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии*, Москва, 2004, 257–266.

Блюм 2000

Блюм А. В., *Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953*, С.-Петербург, 2000.

——— 2003

Блюм А. В., *Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями*, С.-Петербург, 2003.

Бранденбергер 2017

Бранденбергер Д. Л., *Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.)*, Москва, 2017.

Вайскопф 2020

Вайскопф М. Я., *Писатель Сталин: Язык, приемы, сюжеты*, Москва, 2020.

Герасимова 2020

Герасимова А. В., *Проблема реального реципиента художественного текста: Анализ современных читательских практик* (= *Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis*, 43), Tartu, 2020.

Добренко 1997

Добренко Е. А., *Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы*, С.-Петербург, 1997.

— 2021

Добренко Е. А., Рождение советской многонациональной литературы: от истории литературных институций к институциональной истории литературы. Доклад на конференции «Эстетика коммунизма: Теории и институции» в октябре 2021 г. (Москва, Россия) (<http://stenogramma.imli.ru/events/konferenciya-estetika-kommunizma-teorii-i-institucii-1-3-oktyabrya-2021-smotret-zapis-zasedanij/>).

Дубин 2010

Дубин Б. В., *Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре*, Москва, 2010.

Земскова 2016

Земскова Е. Е., Переводчики с языков национальных республик в советской литературной критике середины 1930-х гг., *Новый филологический вестник*, 4 (39), 2016, 167–177.

Илизаров 2013

Илизаров Б. С., *Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма*, Москва, 2013.

Козицкая 2021

Козицкая Ю. М., Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы (Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук, Москва, 2021).

Медведев 2005

Медведев Р. А., *Что читал Сталин? Люди и книги. Писатель и книга в тоталитарном обществе*, Москва, 2005.

Назаров 1952

Назаров А. И., *Очерки истории советского книгоиздательства*, Москва, 1952.

Очерк, 1–2

Очерк истории русской советской литературы, под ред. В. А. Ковалева et al., С. А. Петров, отв. ред., Москва, 1954–1955.

Рейтблат 2009

Рейтблат А. И., *«От Бовы к Бальмонту» и другие работы по исторической социологии русской литературы*, Москва, 2009.

Скаков 2020

Скаков Н., Культура Полтора, *Новое литературное обозрение*, 1 (161), 2020, 104–123.

Топоров 1930

Топоров А. М., *Крестьяне о писателях*, Москва, 1930.

Франк 2019

Франк С., Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями), *Имагология и компаративистика*, 11, 2019, 230–247.

Хиллиг 1984

Хиллиг Г., 50-летие публикации «Педагогической поэмы», *Svantevit. Dansk tidsskrift for slavistik (Århus)*, 1–2, 1984, 181–188.

— 2014

Хиллиг Г., *В поисках истинного Макаренко: Русскоязычные публикации (1976–2014)*, Полтава, 2014.

Цыганов 2021

Цыганов Д. М., Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х – начала 1950-х гг.: Институциональный контекст формирования соцреалистического канона, *Летняя школа по русской литературе*, 17/3–4, 2021, 347–370.

——— 2022

Цыганов Д. М., От самокритики к самоуничтожению: Реорганизация советского эстетического канона в эпоху позднего сталинизма, *Новое литературное обозрение*, 5 (177), 2022, 135–148.

Чудакова 1988

Чудакова М. О., Без гнева и пристрастия: Формы и деформации в литературе 20–30-х годов, *Новый мир*, 9, 1988, 240–260.

——— 1998

Чудакова М. О., Русская литература XX века: Проблема границ предмета изучения, *Проблемы границы в культуре* (= *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, 6), Тарту, 1998, 193–205.

Янковская 2006

Янковская Г. А., Художественное просвещение и провинциальный зритель советского искусства в годы позднего сталинизма, *Проблемы истории, филологии, культуры*, 16/3, 2006, 334–342.

——— 2018

Янковская Г. А., Советское искусство в годы позднего сталинизма и «рядовой зритель», *Magistra Vitae*, 1, 2018, 39–45.

Brooks 1982

Brooks J., Studies of the Reader in the 1920s, *Russian History*, 9/2–3, 1982, 187–202.

——— 2020

Brooks J., The Press and the Public Adjust to a New Normal, 1918–1935, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 43–82.

Dobrenko 1997

Dobrenko E., *The Making of the State Reader: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature*, Stanford, 1997.

Dobrenko, Reitblat 2020

Dobrenko E., Reitblat A., The Readers' Milieu, 1917–1920s, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 15–42.

Garros et al. 1995

Garros V., Korenevskaya N., Lahusen Th., eds., *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930's*, New York, 1995.

Hillig 1981

Hillig G., A. S. Makarenko, "Pedagogičeskaja poëma", 1: Eine textologische Untersuchung, *Studia Slavica. Beiträge zum VIII. Internationalen Slawistenkongress in Zagreb 1978*, Giessen, 1981, 267–315.

Khalid 2015

Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*, Ithaca, New York, London, 2015.

Kozlov 2013

Kozlov D., *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*, Cambridge, Mass., London, 2013.

Lahusen 1997

Lahusen T., *How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia*, Ithaca, New York, London, 1997.

——— 2020

Lahusen T., Is There a Class in This Text? Reading in the Age of Stalin, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 83–106.

Lovell 2000

Lovell S., *The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*, New York, 2000.

Malinovskaya 2015

Malinovskaya O., *Teaching Russian classics in secondary school under Stalin (1936–1941)*, Oxford, 2015.

——— 2020

Malinovskaya O., Reading Russian Classics in Soviet Schools under Stalin: Analyzing Normative Material, 1922–1941, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, Milan, 3, 2020, 107–158.

Paperno 2009

Paperno I., *Stories of the Soviet experience: Memoirs, diaries, dreams*, Ithaca, London, 2009.

Rebecchini, Vassena 2014

Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading in Russia: Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930*, Milan, 2014.

——— 2020a

Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milan, 2020.

——— 2020b

Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020.

Witt 2011

Witt S., Between the Lines: Totalitarianism and Translation in the USSR, *Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia*, Amsterdam, Philadelphia, 2011, 149–170.

Zitzewitz 2021

Zitzewitz J., von, *The Culture of Samizdat: Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union*, London, 2021.

References

Blum A. V., *Sovetskaia tsenzura v epokhu total'no terrora. 1929–1953*, St. Petersburg, 2000.

Blum A. V., *Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov. 1917–1991: Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariiami*, St. Petersburg, 2003.

Bogomolov N. A., Neskol'ko razmyshlenii po povodu dvukh dat v istorii russkoi literatury sovetskogo perioda, Idem, *Ot Pushkina do Kibirova: Stat'i o ruskskoi literature, preimushchestvenno o poezii*, Moscow, 2004, 257–266.

Brandenberger D. L., *Stalinskii russotsentrizm. Sovetskaia massovaia kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniia 1931–1956 gg.*, Moscow, 2017.

Brooks J., Studies of the Reader in the 1920s, *Russian History*, 9/2–3, 1982, 187–202.

Brooks J., The Press and the Public Adjust to a New Normal, 1918–1935, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 43–82.

Chudakova M. O., Bez gneva i pristrastii: Formy i deformatsii v literature 20–30-kh godov, *Novy Mir*, 9, 1988, 240–260.

Chudakova M. O., Russian literature of the 20th century: the problem of borders of the researching object, *Concept of Frontier in Culture* (= Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, 6), Tartu, 1998, 193–205.

Dobrenko E., Reitblat A., The Readers' Milieu, 1917–1920s, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 15–42.

Dobrenko E., *The making of the state reader: social and aesthetic contexts of the reception of Soviet literature*, Stanford, St. Petersburg, 1997.

Dubin B. V., *Klassika, posle i riadom. Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture*, Moscow, 2010.

Frank S. K., Project of Multi-National Soviet Literature as a Normative Project of World Literature (with Imperial Implications), *Imagology and Comparative Studies*, 11, 2019, 230–247.

Garros V., Korenevskaya N., Lahusen Th., eds., *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930's*, New York, 1995.

Gerasimova A. V., *The Issue of Real Recipient of a Fiction: Contemporary Reader Practices' Analysis*

(= Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuenssis, 43), Tartu, 2020.

Hillig G., 50-letie publikatsii «Pedagogicheskoi poemy», *Svantevit. Dansk tidsskrift for slavistik (Århus)*, 1–2, 1984, 181–188.

Hillig G., A. S. Makarenko, “Pedagogičeskaja poëma”, 1: Eine textologische Untersuchung, *Studia Slavica. Beiträge zum VIII. Internationalen Slawistenkongress in Zagreb 1978*, Giessen, 1981, 267–315.

Hillig G., Unterwegs zum Wahren Makarenko, *Russischsprachige Publikationen (1976–2014)*, Poltava, 2014.

Iizarov B. S., *Tainaia zhizn' Stalina. Po materialam ego biblioteki i arkhiva. K istoriosofii stalinizma*, Moscow, 2013.

Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*, Ithaca, New York, London, 2015.

Kozlov D., *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*, Cambridge, Mass, London, 2013.

Lahusen T., *How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia*, Ithaca, New York, London, 1997.

Lahusen T., Is There a Class in This Text? Reading in the Age of Stalin, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020, 83–106.

Lovell S., *The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*, New York, 2000.

Malinovskaya O., Reading Russian Classics in Soviet Schools under Stalin: Analyzing Normative Material, 1922–1941, *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, Milan, 3, 2020, 107–158.

Malinovskaya O., *Teaching Russian classics in secondary school under Stalin (1936–1941)*, Oxford, 2015.

Medvedev R. A., *Chto chital Stalin? Liudi i knigi. Pisatel' i kniga v totalitarnom obshchestve*, Moscow, 2005.

Nazarov A. I., *Ocherki istorii sovetskogo knigoizdatel'stva*, Moscow, 1952.

Paperno I., *Stories of the Soviet experience: Memoirs, diaries, dreams*, Ithaca, London, 2009.

Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading in Russia: Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930*, Milan, 2014.

Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 1, Milan, 2020.

Rebecchini D., Vassena R., eds., *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, 3, Milan, 2020.

Rejtblat A. I., «Ot Bovy k Bal'montu» i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury, Moscow, 2009.

Skakov N., Culture One and a Half, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1 (161), 2020, 104–123.

Toporov A. M., *Krest'iane o pisateliakh*, Moscow, 1930.

Tsyganov D. M., From Self-Criticism to Self-Destruction: The Reorganization of the Canon of Soviet Aesthetics During the Period of Late Stalinism, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5 (177), 2022, 135–148.

Tsyganov D. M., Stalin's Prize in the System of the Literary Process in 1940s–early 1950s. The Formation of the Socialist Realist Canon in the Institutional Context, *Summer school on Russian literature*, 17/3–4, 2021, 347–370.

Weisskopf M., *Pisatel' Stalin: Iazyk, priemy, siuzhety*, Moscow, 2020.

Witt S., Between the Lines: Totalitarianism and Translation in the USSR, *Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia*, Amsterdam, Philadelphia, 2011, 149–170.

Yankovskaya G. A., Art Education and Provincial Spectator of Soviet Art at Stalin's Regime, *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 16/3, 2006, 334–342.

Yankovskaya G. A., Soviet Art of the Late Stalinism and “Ordinary Spectator”, *Magistra Vitae*, 1, 2018, 39–45.

Zemskova E. E., Translators from the Languages of the National Republics in Soviet Literary Criticism in Early 1930s., *The New Philological Bulletin*, 4 (39), 2016, 167–177.

Zitzewitz J., von, *The Culture of Samizdat: Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union*, London, 2021.

Дмитрий Михайлович Цыганов, магистрант

кафедры новейшей русской литературы

и современного литературного процесса

филологического факультета

Московского государственного университета

имени М. В. Ломоносова

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,

1-й корпус гуманитарных факультетов

Россия / Russia

tzyganoff.mitia@yandex.ru

Received March 21, 2022

2022 №2 *Slovëne*